

ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ВЛИЯНИЕ МИФОВ НА КУЛЬТУРУ И ТРАДИЦИИ КИТАЯ

**Задирай Александр Дмитриевич,
Чуприна Валерия Сергеевна,
Ковалевский Виктор Сергеевич,**
*студенты первого курса,
направление подготовки: «Перевод и переводоведение»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ*

Чудовище Жу Шоу

Каждая страна проходит свой уникальный путь развития, и вместе с этим формируются представления жителей этого государства об окружающем их мире. В течение длительного периода складывались мифы различных стран мира, и на каждом этапе развития мифотворчество приобретало присущие данной цивилизации неповторимые сложные черты. Невозможно полностью познать

культуру государства, менталитет народа, не познакомившись с его мифами. Китай как одно из древнейших государств мира имеет крайне сложную и интересную историю развития мифологических воззрений. Тема возникновения древнекитайской мифологии остаётся актуальной до сих пор. На основе работ из книжных коллекций известных востоковедов фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ можно выяснить, как древнекитайская мифология повлияла на культуру и традиции Китая.

В энциклопедии даются такие определения: «миф – (древне-греч. *mythos*) сказание, а также сказка, вымысел, мифология – (древне-греч. *mythologia*) изложения преданий о богах и героях» [8, с.515].

Востоковед, д-р филол. наук, профессор Н. Т. Федоренко отмечал, что в отличие от мифов античной Греции и древней Индии, которые дошли до нас в сравнительно полном виде, китайская мифология сохранилась фрагментарно – в виде отдельных преданий, не сложившихся в мифологические циклы, или их отрывков, рассеянных по многим книгам [3, с. 381]. Н.Т. Федоренко указывал, что одной из причин такого положения китайский писатель Лу Синь в своей работе по истории китайской прозы считал стремление конфуцианцев перерабатывать древние мифы и предания по образцу исторических летописей. В результате производимых конфуцианцами трансформаций мифические личности превращались в исторических деятелей, их чудовищной внешностью наделяли человека, а сам миф утрачивал элементы фантастики, поэтического вымысла [3, с. 381]. Анна Биррел, профессор-синолог колледжа Клэр-Холл при Кембриджском университете отмечала, что «мифы Древнего Китая, основанные на устных преданиях, сохранились в классических философских текстах, в литературных произведениях периода с VI по III век до н. э.» [2, с. 18]. «Китайские писатели вставляли фрагменты, взятые из мифов, в свои философские и исторические труды в качестве иллюстраций при аргументации и для придания веса своим наставлениям. Поэтому китайские мифы существуют преимущественно в виде аморфного, рассеянного набора разнообразных анонимных древних высказываний, включенных в тексты философских, литературных или исторических трудов, поскольку авторы часто адаптировали миф в соответствии со своими взглядами» [2, с.19].

Николай Трофимович Федоренко, филолог-востоковед, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент АН СССР в своей

работе «Тематическое своеобразие китайской мифологии» показал, что «значение мифологии в развитии древней китайской культуры едва ли возможно переоценить. Без знания китайской мифологии крайне трудно не только понять природу некоторой части древнекитайской поэзии и прозы, но и судить о характере средневековой китайской литературы. Мифология не утратила и своей роли и в развитии нового художественно-речевого искусства в Китае» [3, с. 390].

Историк, китаевед, канд. филол. наук Э. М. Яншина в своих исследованиях определяла, что к архаическим формам древнекитайской мифологии относятся фетишизм, тотемизм и анимизм. В основе этих древнейших форм лежит представление о тождестве вещей и людей, свойственной первобытному человеку. Люди переносят свои свойства на окружающий их мир, наделяя всё вокруг волей и сознанием. Эта же идея определяет тотемические представления о родственной связи человека с природой. Для архаики характерна взаимопроницаемость живой и неживой природы [1, с. 26–27].

Фетишизм

Э. М. Яншина писала, что в таком письменном памятнике, как «Каталог гор и морей», по её мнению, «которому нет равного в древнекитайской литературе», приводится список предметов, обладающих сверхъестественными свойствами. Древние китайцы использовали их как обереги и амулеты. «Гора ...Гуй... Там есть птицы, похожие на фазанов, с длинными хвостами, красными, как огонь, с зелёными клювами. Их называют линьяо... Сделаешь из них подвеску, уберешься от слепоты... Река Чжэхуэй... В ней много летучей рыбы... Сделай из неё подвеску, не будешь пугаться грома, сможешь противостоять врагу... Свойство предохранять от глухоты приписывается шкуре оленя» [1, с. 27]. Также фетишистские верования в Китае связывают с представлениями о магических свойствах деревьев и растений. Из них часто изготавливалось ритуальное оружие для сезонных обрядов. Даже циновки и другая атрибутика ритуальных жертвоприношений

изготавливалась из определённых растений. «Зачастую фетишами в Китае выступали оружие и орудия труда, а также различная ритуальная атрибутика, всем этим предметам предписывали волшебные свойства» [1, с. 27–29]. Два очень хорошо засвидетельствованных в древнекитайской мифологии культа – это культа колокола и барабана. Прослеживается тесная связь культов колокола и барабана с культом гор, одним из наиболее древних и важных в китайской мифологии. «В «Каталоге гор и морей» упоминаются несколько священных гор под названием Гора-Колокол. Одна из них связывается с именем родоначальника китайцев – Жёлтым Предком (Хуанди), но в то же время и сама оказывается предком – рождает Барабан» [1, с. 30]. Работая с памятником древнекитайской литературы «Каталогом гор и морей», Э. М. Яншина делает вывод, что наибольшую роль культа гор играли в обрядах погребения. «Для «освящения» барабана также приносилась кровавая жертва, и он, как и колокол, помещался в святилища предков и божества Земли (ше)... Барабаны входили в число ритуальных предметов заупокойного культа... В своей статье о культовой роли юньнаньских бронзовых барабанов китайский учёный Тун Энъжен пишет, что барабаны были символом власти и военных побед... Такая культовая роль барабанов безусловна, но они имели и более широкую мифологическую семантику» [1, с. 30]. Традиция обращаться к культовым барабанам во время различных праздников сохраняется в Китае до сих пор.

Как пишет Э. М. Яншина: «По-видимому, наиболее ранними и распространёнными фетишами в Китае были камни. Это обнаруживается в верованиях в магическую силу культовых предметов, употребляемых при жертвоприношениях, ритуальных действиях, культе отдельных камней, груды камней, в атрибутах богов. Особым почитанием в Китае пользовались яшма и нефрит, употреблявшиеся в ритуалах, жертвоприношениях, при изготовлении культовых предметов» [1, с. 32].

Тотемизм

Вторая форма древнекитайской мифологии – тотемизм. Тотемизм также связывают с культом гор, так как это были места ухода и рождения предков. Для тотемизма характерно представление о происхождении рода от тотема. Хорошо прослеживаются два таких представления – происхождение родов и племён от растения-тотема и происхождение родов и племён от животного-тотема [1, с. 38–39]. Э. М. Яншина обращалась к работам Г. Г. Стратановича, где он утверждал, что «Из мифов о рождении Юя и Иня можно заключить, что одним из тотемных

Тотемизм

растений сясцев (?) считалась йевлевая слеза, а иньцев – шелковица. Но эти растения были далеко не единственными растениями-тотемами. Так у тех же сясцев, как установили учёные, деревом-тотемом была сосна, у иньцев – кипарис и кедр, у чжоусцев – каштан. В историческую эпоху эти деревья по-прежнему почитались, но истинные корни этого почитания были прочно забыты. Они стали атрибутами древнекитайских святилищ» [1, с. 39]. И далее приводит мысль Стратановича, что мифы о происхождении родов и племён от растения-тотема можно увидеть

даже в топонимике и фамильных прозваниях родов: «...название одного из древнекитайских царств, «Цзин» означает терновник, имеет своим исходным моментом растительный тотемизм» [1, с. 39]. Э. М. Яншина также писала, что в китайской мифологии существует множество примеров происхождения родов и первопредков от животных, таких как медведь, дракон, тигр, феникс и черепаха, обвитая змеей. Другой формой выражения представлений о тотемизме можно считать мотив оборотничества. Тотемические начала сохраняются также в древнекитайском представлении о реинкарнации – превращении предка в тотем, который будет охранять род. «Реинкарнация предка хорошо известна по традиции о Гуне, который, ..после смерти... превратился в бурого медведя. Именно в этом образе, согласно традиции, сясцы и чтит своего предка. В этом же образе он являлся своим потомкам во сне... Мотив реинкарнации Гуня сохранился и в топонимике. Так, в «Каталоге» одна из гор называется «Гора, где перевоплотился отец Юя» [1, с. 41]. Особенно отчетливо роль тотемов как покровителей видна на примере погребальных обрядов, в ходе которых священные животные выступают хранителями могил: их часто изображали на стенах погребальных сооружений эпохи Хань: «Но функция священных животных как хранителей могил, нам представляется, древнее их связи с астральным культом и восходит к почитанию их тотемами» [1, с. 41–44].

Анимизм

Анимизм является последней стадией развития древнекитайской мифологии. Он развился из поздних представлений о тотемизме, по мнению Э. М. Яншиной, когда черты тотема переносятся на мир духов и богов природы. Учёная приводит пример из «Каталога гор и морей», где по её мнению очень чётко прослеживается зооморфизм богов и предков: «От Великой гряды (Тайхан) до горы Встреча Матерей (?) сорок шесть гор... Принося жертву тем их двадцати духам, у которых туловища коня и человеческие лица, употребляют траву цзаочэнь... Десяти духам с туловищем свиньи, с восемью ногами и змеиными хвостами

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

приносят в жертву один нефритовый диск (би), закапывают его» [1, с. 48].

«[Там] пребывает Небесный Бог. Он похож на быка, но ног у него восемь, две головы и конский хвост» [4, с. 42–43]. Э.М. Яншина отмечала, что «Существование в Китае представлений о зооморфных и полузооморфных богах и духах подтверждается также многочисленными изображениями на погребальных рельефах богов...» [1, с. 48].

К раннеанимистическим представлениям относятся древнейшие боги китайского пантеона – такие как «бог счастья Юйлэй, его имя означает «Заросли куркумы» (?), богини Засухи –

Чудовище Инлун

Ба, «Ведьма–Засуха», «Бегущая собака» (?), бога Севера и Зимы Сюаньмина – «Сокровенная мгла», бога ветра. Имена богов ветра в надписях на иньских костях совпадают с названиями самих ветров. Архаичны и божества, имена, которых говорят об их зооморфном прошлом. Среди них прежде всего следует упомянуть Бога Южных Дождей Инлуна – «Откликающегося Дракона»,

бога Земли Гоулуна – «Кривого дракона», богов Грома Куйлуна – «Безобразного дракона» и Лэйшоу – «Громового животного», Чжулуна – «Дракона-Светильника». Э. М. Яншина приводит описание Чжулуна из «Каталога»: «Дракон-Светильник живёт к северу от ворот Ин, где не видно солнца. У этого бога человеческое лицо и туловище дракона, нет ног» [1, с. 52]. «Эти зооморфные божества мыслились стихийными носителями олицетворённых в них явлений природы» [1, с. 53].

Боги сторон света в китайском пантеоне были олицетворениями времён года. «Бог запада и осени – Жушоу и бог юга и лета – Чжун... Этим богам присущи и черты зооморфизма»

[1, с. 53]. Так, Жушоу приписываются черты получеловека-полутигра: «Но время от времени Жушоу менял угольник на секиру, которую крепко сжимал в своих тигриных лапах» [7, с. 59]. Чжужуна, бога огня, который помогал владыке Юга представляли так: «А первым помощником служил дух огня Чжужун, со свиным рылом вместо лица, с глазами пчелы и телом огненной змеи, имевший руки, в которых он держал коромысло весов» [7, с. 58]. Э. М. Яншина определяла, что божества китайского пантеона, которые в историческую эпоху представлялись как героизированные божества и историзованные предки, оказываются восходящими к раннеанимистическим божествам сил природы. «Одним из наиболее распространённых образов воплощения архаических богов являлись змеи и драконы» [1, с. 56].

Также с развитием представлений о мире и его устройстве складывались определённые мифы, призванные объяснять, характеризовать или даже систематизировать происходящие вокруг людей явления природы или жизни. Эти мифологические представления впоследствии дали начало многим традициям и праздникам, в основе которых чаще всего лежали легенды и сказки о богах и людях, сотворивших чудо или победивших зло. Об этом в своей работе пишет российский китаевед, д-р филол. наук М.Е. Кравцова: «Древние мифологические представления оказали решающее воздействие не только на ход сложения национальных идеологических систем (даосизм), литературы и изобразительного искусства. Ряд из рассмотренных выше мифологем продолжили своё существование в реликтовой, рудиментарной или дериватной форме в местных календарных обычаях и обрядности» [5, с. 187]. Так, один из самых значимых праздников в Китае – Новый год – берет свое начало от древнего мифа, согласно которому все китайцы, каждый год, прячутся от чудовища по имени Нянь (от кит. – nián 年) [9], который приходит в города и деревни, чтобы насытиться скотом и урожаем. Люди старались задобрить его подношениями, считая, что так он подберет и будет обходить их дома стороной. Однако однажды они перестали так делать, заметив, что чудовище боится громких звуков и огня, а также сторонится

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

красного цвета. Они использовали эти знания, чтобы прогнать его. Впоследствии описанные в мифе действия легли в основу ритуалов, проводимых в Новый год в Китае, претерпевая изменения, на протяжении веков. Как отмечает М. Е. Кравцова: «Кроме того, как и у других народов мира, Новый год воспринимался в Китае в качестве переломного момента годового цикла, сопровождающегося противоборством добра и зла. Поэтому для этого праздника характерно активное использование оберегов и экзорцистских средств» [5, с. 188]. В книге «История культуры Китая» описываются традиции, основанные на мифах, которые сохранились в современном Китае: «Ровно в полночь начинают

Чудовище Нянь

запускать хлопушки и фейерверки, исходно предназначенные для отпугивания злых сил. Утром следующего дня полагается обходить дома родственников с поздравлениями. В течение нескольких последующих дней устраиваются всевозможные торжества, сопровождающиеся театрализованными зрелищами и цирковыми представлениями, включая знаменитые «танец львов», «пляску дракона», и т. д.» [5, с. 189].

Ещё один важный для китайцев праздник, имеющий под собой мифологическое начало – Праздник Кануна седмицы. По словам синолога-социолога, профессора Калифорнийского университета В. Эберхарда, в его основу положена легенда о девушке-ткачихе и пастухе, которые полюбили друг друга настолько сильно, что стали забывать о своих обязанностях: ткацкий станок девушки стоял без дела, а за скотом её возлюбленного никто не присматривал. Разгневавшись, небесный император пожелал разлучить пару и дать им возможность видаться лишь раз в году [6, с. 125–126]. По словам М. Е. Кравцовой,

Легенда о ткачихе и пастухе

«Осенние календарные празднества открываются Праздником Кануна седмицы, который справляется 7-го числа 7-го месяца по лунному календарю. Мифологическое обрамление этого праздника составляет легенда о Ткачихе и Пастухе. В своём изначальном виде это празднество символизировало, видимо, соединение женского и мужского начал мира, персонифицированных Ткачихой и Пастухом. Праздник Кануна седмицы, пользовавшийся

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

чрезвычайной популярностью в традиционном Китае, в настоящее время массово не отмечается» [5, с. 191].

Другой осенний праздник, в основе которого так же лежит миф, называется Праздником Середины осени. В ритуалах и обрядах, посвященных этому событию, отчётливо прослеживается культ луны и связанная с ней символика. Одна из самых популярных легенд, связанных с этим праздником, описывает

Прекрасная Чаньэ,
традиция Чжунцю

жизнь легендарного лучника Хоу И и его жены Чаньэ. Из легенд «Великий лучник по имени И» и «Обманутый И», переведенных на русский язык О. Курганом и С. Чумаковым, можно узнать, что в награду за свои подвиги Хоу И получил эликсир жизни, который, однажды в отсутствие мужа выпила Чаньэ. После этого она стала подниматься в воздух и вознеслась на луну [7, с. 108–113]. Традиции, связанные с Чаньэ, существуют и в наши дни. Вот как их описывает М.Е. Кравцова: «В отличие от Праздника Кануна седмицы, традиция празднования другого осеннего праздника – Праздника Середины осени (Чжунцю)

оказалась более устойчивой. Названный праздник приходится на 15-е число 8-го месяца по лунному календарю. В его основе лежат обряды и праздничные игрища, отмечающие окончание уборки урожая. Собственно, календарное значение этого праздника определяется осенним равноденствием. Одновременно он обнаруживает отчётливые связи с культом луны и включает в себя многочисленную лунарную символику. Таковой является его календарная пища «Лунные» лепешки – (или пряники). «Лунная» лепёшка представляет собой кулинарное изделие строго круглой формы, до 30 см в диаметре. Она выпекается из сероватого теста (цвет лунного сияния) пшеничной или рисовой муки с добавлением

сахара и различных пряностей (миндаль, кунжутное семя, апельсиновая кожура и пр.). На поверхности лунной лепешки печатаются изображения Хозяйки луны (Чаньэ), жабы, лунного зайца и «счастливые» иероглифы. В традиционном Китае «лунные» лепёшки служили не только обрядовой пищей, которая поедалась всей семьей, но и предметами дарения и жертвенными предметами. В последнем случае полагалось выставлять 13 лепёшек, символизовавших «полный» лунный год (12 основных месяцев и один вставной») и полный круг счастья» [5, с. 191–192]. На сегодняшний день некоторые «фетишистские верования сохраняются в Китае и в связи с представлениями о магических свойствах деревьев. Способность охранять от нечистой силы древние китайцы приписывали тростнику... и персиковому дереву» [1, с. 28].

Можно сделать вывод, что праздники, хотя и изменялись со временем, теряли или приобретали популярность, во многом сохраняли связь со своим мифическим началом. Об этом размышлял В. Эберхард: «С изменением общества изменяются и праздники; они теряют свой первоначальный смысл и принимают новый – иногда абсолютно отличный от прежнего. И те изменения, которые мы сегодня можем наблюдать, представляют собой такие же перемены, которые происходили всё время. Так как они происходят на наших глазах, то нам они кажутся чем-то экстраординарным. Они не являются "дегенерацией". Если мы пользуемся этим уничижительным словом, то отказываем себе в благоприятной возможности истинного понимания процессов, которые продолжаются. Изменения представляют собой скорее результат приспособления к новой социальной ситуации, создания нового культурного равновесия в изменяющемся мире» [6, с. 126–127].

Обобщая информацию, полученную из рассмотренных источников о мифологических воззрениях древних китайцев, можно отметить, что мифология оказала значительное влияние на формирование культурного пласта китайцев, прошла сложный путь развития, претерпевая изменения, при этом сохраняя уникальные

качества, отличающие её от мифологий других народов мира. Этот вывод можно подтвердить словами М. Е. Кравцовой из книги «История культуры Китая»: «Итак, тот культурно-идеологический пласт, который считается «китайской мифологией», действительно имеет мало общего с мифологическими системами других народов мира, в первую очередь, с античной мифологией. Перед нами – конгломерат явно разнородных по времени и культурной принадлежности верований, культов и осколков некогда, видимо, целостных, но неизвестного происхождения мифологических сюжетов, которые были искусственно приведены в подобие относительно связных по содержанию повествований. Тем не менее эти повествования являются подлинным и полноценным феноменом духовного наследия китайской цивилизации, знание которого выступает необходимым условием для понимания опорных образно-символических рядов местной политической, художественной и популярной культуры» [5, с. 193].

Список литературы:

1. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии // Э. М. Яншина – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1984. – 248 с.
2. Биррел, А. Китайские мифы / А. Биррел ; пер. с англ. М. Звонарева. – Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2005. – 128 с., ил.
3. Федоренко, Н. Т. Тематическое своеобразие китайской мифологии // Историко-филологические исследования : сборник статей к 75-летию академика Н.И. Конрада / Академия наук СССР, Отделение литературы и языка ; [гл. ред. М.Б. Храпченко и др.]. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1967. – С. 381–390.
4. Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) / предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1977. – 236 с.
5. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Изд-во «Лань», 1999. – 416 с.
6. Эберхард, В. Китайские праздники / В. Эберхард ; пер. с англ. и предисл. Н. Ц. Мункуева. – Москва : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1977. – 128 с.
7. Мифы и легенды народов мира Восточная и Центральная Азия: Япония, Китай, Монголия, Вьетнам : сборник. – Москва : Мир книги ; Литература, 2006. – 448 с. – (Мифы и легенды народов мира).
8. Большая Советская энциклопедия. Т. 39 : Мерави – Момоты / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – Москва : ОГИЗ РСФСР ; Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1938. – 752 с.
9. Китай – язык, жизнь, образование, работа, бизнес [Электронный ресурс] // БКРС [сайт]. – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения 22.06.2022).